

БОЛЬШЕ ДЕМОКРАТИИ — БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА

КАК ЖИВУТ ЗЕМЛЯКИ?

СОБЫТИЯ в Нагорном Карабахе, многолюдные демонстрации, прошедшие в Ереване, взволновали меня до глубины души.

Я не историк и не хотел бы здесь вдаваться в существо вопроса, но лежит он в области национальных отношений. Долгое время считалось, что национальный вопрос в нашей стране благополучно решен и говорить о нем предпочитали больше в зазданных тонах — в стиле тамады. Прошедшие события, однако, показали, что нам оставлено в наследство немало нерешенных вопросов, в том числе и национальных. Об этом говорилось в Обращении М. С. Горбачева к трудящимся Азербайджана и Армении. Этим проблемам будет посвящен один из предстоящих Пленумов ЦК КПСС.

Другое дело, что подзапустили мы эту болезнь, приобретенную еще в драматические тридцатые годы, и лечить ее с годами все сложнее. Наш театр сейчас готовит постановку по роману А. Рыбакова «Дети Арбата». Мне как режиссеру говорят: «Почему не берете армянскую тему?» Но разве культ личности — это проблема одной только нации? Ведь все мы — и армяне, и русские, и люди других национальностей — пострадали от волевых решений и волюнтаризма. Чтобы ставить спектакль, надо знать эпоху вне романа. И когда я изучаю документы, связанные с тем временем, нередко думаю лишь об одном: не дай-то бог и нашим детям пережить подобное...

Да, именно в те годы родился бюрократический подход к решению национального вопроса, из книги в книгу, из театра в театр кочевал ходульный образ «старшего брата», который как бы отвечал за всех других. В то время как ответственность за наши отношения — теперь мы это все прекрасно понимаем — нужно делить поровну. В настоящей дружбе все равны. И друзей себе мы выбираем отнюдь не по национальным признакам. Я, например, считаю, что у каждого народа есть поддцы и негодяи, но есть — и их, естественно, гораздо больше — замечательные люди.

Говорить или писать на эту тему мы привыкли только в розовых тонах. Нерешенные проблемы и просчеты нередко загонялись вглубь, и неизвестно было, где и как они выйдут наружу. Перестройка всколыхнула все эти глубинные процессы, вызвала рост национального самосознания. Стало ясно: народные чувства нельзя игнорировать, тем более спекулировать ими — их тонкая структура очень ранима. Необходимо бережно, тактично, шаг за шагом воспитывать интернациональное сознание, формировать культуру межнациональных отношений,

которой еще остро не хватает.

Воспитывать, формировать, но как? Тут, очевидно, вся загвоздка. Меня, признаться, поразило, как освещались события в Нагорном Карабахе. Появлялись шаблонные, как по стандарту подготовленные, отклики, в которых авторы, все как один, заверяли в дружбе к братскому народу. Ну а разве дружбу эту, идущую из глубины веков, подвергали мы когда-нибудь сомнению?!

Под одной из подобных заметок я вдруг обнаружил свое имя. Да кто же так посмел меня унижить? Разгневанный, звоню в Арменпресс, пытаюсь выяснить, кто так по-пиратски работает? В ответ по телефону мне приносят извинения, просят не поднимать скандал, «иначе нас с работы снимают»... А как бы в утешение рассказывают грустную историю. Она звучит, не один я так пострадал. У одного сотрудника телеграфного агентства даже свадьба расстроилась из-за того, что отклик подписал он именем любимой девушки...

Признаюсь честно: при всем уважении к средствам массовой информации, которые самоотверженно порой работают «на гласность», мне жаль таких поденщиков. Унылым повторением азбучных истин, старых, доперестроечных лозунгов они сводят на нет всю огромную работу партии по формированию нового мышления. Ведь сам я, если уж на то пошло, мог бы рассказать о настоящей дружбе гораздо больше и, надеюсь, лучше.

Года полтора назад я заболел, потом со мной случился сильный приступ... Уже через час в моем доме был Михаил Ульянов (он отдыхал в то время в Дилижане) — тут же решили «транспортировать» меня в Москву. Надо знать энергию известного, любимого у нас актера: в тот же день он улетел в столицу, а когда за ним я следом прибыл, Михаил уже встречал меня у трапа. Никому не доверяя, сам отвез в больницу, к лучшему хирургу.

Как выяснилось, правильно спешили. «Прободение смерти подобно», — объяснили мне потом врачи. Но на этом мытарства не кончились. Почти два месяца я ничего не ел, лежал под капельницей — оперировать пришлось вторично. И всегда, поверьте, это не для красного словца, чувствовал рядом друга. Был кризис — и только по лицу актера я понял, что мои дела плохи...

Спасибо доктору — академику Николаю Малиновскому, на мой взгляд, сделал невозможное. Но еще мне помогли друзья. Я мог бы назвать

и Кирилла Лаврова, и Георгия Лордкипанидзе, и коллектив столичной гостиницы «Будапешт», который встречал меня после больницы, — десятки хороших людей... Вот мои «лекарства», тот дефицит добра и милосердия, участия, взаимопомощи, который всех нас, людей разных национальностей, объединяет в советский народ. А без этого мы просто племена. Говорю так потому, что имею, как мне кажется, на это право. Я лежал еще в больнице, а в республике уже шли дебаты о том, кто займет мое место...

КОГДА на площадь перед оперным театром вышли демонстранты, мне пришлось слышать и такое: вот, мол, к чему привела демократия... Что же, на нее пенять, конечно, проще, но отнюдь не демократия, а бюрократия в национальных отношениях приводит к таким последствиям. Проблема Карабаха не свалилась ведь на наши головы откуда-то с небес — о ней прекрасно знали в партийных и советских органах. Что же предприняли, чтобы успокоить народ?

Увы, партийные работники засуетились слишком поздно. Кое-кто попытался, правда, поступить привычным в подобных случаях способом — «запретить», но ничего не вышло. Теперь они склонны пенять на центральную прессу: мол, недавние критические выступления печати по Армении подорвали авторитет некоторых руководящих работников. А может, просто разучились разговаривать с людьми по-человечески? Может быть, и вовсе не умели?

Говорю это не голословно и, понятно, не пытаюсь подравнять всех под одну гребенку. Звонят недавно из райкома партии, в голосе растерянность, смятение: во многих коллективах созданы комитеты по Карабаху, любимого у нас актера: что делать? Что же тут советовать? Надо идти туда, где они созданы, знать настроения людей, уметь убеждать, словом, донести до людей великую правду нашего социалистического общежития. В противном случае можно просто не успеть за тем демократизмом жизни, который подняла перестройка.

Сегодня очевидно: народ готов услышать мудрое слово, голос разума, взвешенных, трезвых решений. Он даже просит нас, деятелей культуры, писателей, ответить, объяснить, что происходит. Мы все живем в одном доме, в одной семье. И в какой бы части дома, в какой бы из комнат мы ни находились — постоянно чувствуем присутствие друг друга. Но это все-таки наш об-

щий дом, и надо быть деликатными, обходительными, соблюдать правила общежития, надо уметь владеть своими эмоциями. Когда в семье начинаются ссоры — жизнь может стать порой невыносимой. Но что предприняли мы, чтоб ее наладить, укрепить семью братских народов?

Мы привыкли писать шаблонные фразы: «С каждым годом развиваются культурные связи между союзными республиками». А на деле, как известно, совсем не так. Как раз эти культурные связи за последнее время заметно ослабли: исчезли декады, обменные поездки деятелей культуры и искусства. Все чаще со страниц научных и литературных изданий ведутся споры, преследующие не поиск научной истины, а, напротив, искажающие историю.

Я имею в виду национальное чванство иных «ученых», стремящихся в пылу местного патриотизма то прибавить возраст своему народу, то осенить его сказочными подвигами, как будто мало подлинных, чем и впрямь гордиться стоит.

Совсем недавно мы отметили славный юбилей Октября. Куда как лучший повод для интересных театральные постановок, глубоких публицистических размышлений о великом завоевании социализма — дружбе народов. Но что-то не помнится, чтобы какая-либо популярная и уважаемая газета рассказала о революционном братстве и боевом интернационализме замечательных сыновей русского, азербайджанского, грузинского и армянского народов — 26-ти банинских комиссаров!

Дорого приходится платить за такие упущения.

Как-то случайно, года два назад в местной газете я встретил сообщение о том, что принято совместное постановление ЦК Компартий Армении, Азербайджана и Грузии «О мерах по дальнейшему развитию интернациональных связей трудящихся братских республик Закавказья». Что это за документ? Какие конкретные меры предусмотрены для развития межнациональных связей в закавказском регионе? И, наконец, какими формами и методами идеологической работы они должны воплощаться в жизнь? Об этом ни слова. Неужто для галочки принято? Или вот еще одно сообщение: в райцентре Иджеван открыли университет Дружбы народов, где ученые трех союзных республик прочитали лекции об интернационализме. И все, что ли, на этом работа закончилась?

Как известно, подавляющее большинство населения

Нагорного Карабаха — армяне. Как живут мои земляки? Как развивается этот регион? Хотелось бы найти в газетах регулярные подборки материалов на эту тему, которыми могли бы обмениваться Арменпресс и Азербайджан, поставив их средствам массовой информации. Ведь и в моей республике проживает немало азербайджанцев.

Да вот еще один странный факт из той же области идеологических просчетов: жители Грузии, Азербайджана и Армении не имеют возможности смотреть телепередачи из соседних республик. Неужели сложно это сделать? Ведь умудряются же смотреть зрелища из Турции и даже из Ирана! А чем живет, чем дышит братский народ, не знаем... Скажем, наш оперный театр уже десять с лишним лет не демонстрировал свое искусство на московской сцене. Давно уже не был на гастролях с отчетом в столице и Драмтеатр имени Сундукяна. Нужно ли говорить, как опасно, чем чревато для творчества замыкание в национальной скорлупе?

Когда я ставлю спектакли в союзных республиках — а таких постановок было немало в Москве, Тбилиси, Баку, Кишиневе, — всегда стараюсь чем-нибудь помочь театру, труппе, выявить возможности актеров, черты национального характера. И если слышу где-нибудь, как в адрес человека или даже целого народа говорят: «национально ограничен», не могу представить и понять, кто и как, какими мерками определил эти границы в нашей многонациональной стране? Разве есть пределы совершенству, самобытности?

Меня, например, армяна, известные актеры приглашали работать в истинно русский Малый театр. Я никогда не забуду, как после премьеры спектакля «Много шума из ничего» в Молдавском театре имени А. Пушкина артисты провожали меня в аэропорту, так и не успев снять сценические костюмы и грим с грустных, взволнованных лиц...

От таких вот творческих контактов дружба только крепнет, она и впрямь не знает границ. Многие театры, например, хотят возобновить поставленные мной спектакли и привезти их в Ереван на традиционный шекировский фестиваль.

На февральском Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Уникальная черта нашей культуры — многонациональность. О ней мы часто и привычно говорим, но, кажется, еще не вполне научились ценить... Мы должны всячески способствовать

дальнейшему расширению контактов национальных культур, их взаимному обогащению, их подъему и расцвету».

ДА, привыкли мы к аплодисментам, когда речь идет о дружбе братских народов. А придется спорить и доказывать, учить и учиться демократии. Надо уметь определять ту грань, за которой национальное перерастает в националистическое, грань, за которой человек начинает думать о своем исключительном положении среди других, себе подобных.

Демократия предполагает власть авторитета. Но когда видишь у иных руководителей чванливость, спесь, высокомерие, не подкрепленные порой ни живым умом, ни глубокими знаниями, грустные мысли приходят в голову. Недоценили мы возможности быстрой мимикрии байских, княжеских или боярских настроений, а они-то оказались кое у кого живучи и дают теперь росточки.

И когда иной чиновник от искусства, пытаясь удержаться в своем кресле, выпускает горький и нелепый слух о том, что в результате демократии и гласности стали-де возможны перекосы в национальных отношениях, хочется тут же дать ему отпор. Была бы истинная гласность — не было бы места слухам, для которых почва нынче благодатная.

«Дали нам возможность говорить, а мы начали кричать...», — заметил в шутку один актер, когда речь зашла о демократизации общества. Однако в шутке той немало правды. Нередко демократию — основу всех грядущих перемен — мы понимаем однобоко, с пользой для себя. А надо бы подумать о других. Надо бы прислушаться к чужому мнению, а мы привыкли больше уважать свое...

Вот и в Театре имени Сундукяна, где идет эксперимент, то и дело раздаются голоса, в которых слышно нетерпение: мол, не видно ощутимых результатов... Давайте обновлять репертуар, задействовать артистов... Но где найти такие пьесы, чтобы все актеры получили роли? Мне советуют скорее «избавиться от балласта». Но прежде всего для меня это люди, с которыми долгие годы работали вместе, и никаким голосованием, не смог бы я их выдворить на улицу...

Меня, конечно, упрекают: слишком добрый, нельзя же так руководить... С каких же это пор доброта, гуманное отношение к людям стали вдруг предметом критики? По-моему, как раз чего нам остро не хватает, так это че-

ловечности — и в работе, и в политике, и во взаимоотношениях с людьми другой национальности.

Когда служил в армии, меня поразила такая деталь: незнакомые люди при встрече вежливо здоровались со мной. Сразу вспомнился родной Степанаван в горах — там, где встретился когда-то Пушкин с телом Грибоедова... Так вот в селе Гер-Гер, где я родился, незнакомцам так же говорили: «Здравствуйте...» Человечные, гуманные обычаи повсюду хороши — и у русских, и у армян, и у других народов.

...Говорят, отцов не выбирают. Вспоминаю свою жизнь, я все же думаю: бываю исключением. В 41-м мой отец ушел на фронт. Мне в ту пору было неполных семнадцать. И хотя в Театре юного зрителя, где преобладали девушки, на мне держался весь репертуар, я не мог играть спокойно. Написал записку матери, что хочу повидаться с отцом. Вскоре попал в Тбилиское пехотное училище, а затем, через полгода, — на передовую. Воевать пришлось недолго. Из госпиталя в Туапсе послал весточку маме. И вдруг получаю от нее письмо: «У тебя тот же самый почтовый ящик, что и у отца, только разные корпуса. Оказалось, мы полмесаца лежали рядом, но увидеть отца мне так и не довелось. Мкртыч Капаланя погиб под Керчью...»

Зато после войны — прошло уже немало лет — объявился другой человек, который называл себя моим родным отцом. Только вот родным-то я его как раз не чувствовал — отчим, погибший на войне, был ближе. Однако жизнь полна сюрпризов: благодаря отцу, который объявился слишком поздно, я узнал родного брата Леонида Енгибарова и безмерно счастлив, что дружил когда-то с этим талантливым артистом.

К чему все это говорю? Мне помнится, в войну никто не спрашивал у нас национальность. Беда слепила всех в единую семью, мы были, как родные братья. Наши отношения держались на доверии, глубокой, искренней симпатии друг к другу. О дружбе мы не говорили, она была как хлеб, как воздух вместе с нами. То состояние, когда брат и впрямь силен братом. Может, потому и удалась нам выстоять в тяжелых испытаниях.

Вся наша славная история служит порукой тому, что мы найдем достойные ответы на вопросы, волнующие мой народ. Нужно почаще думать о прошлом, чтобы не повторять ошибок в будущем.

Рачия КАПЛАНЯН,
председатель правления
Союза театральных деятелей
Армении, народный артист СССР.

ЕРЕВАН.